

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русской литературы

СТИХОТВОРЕНИЯ 1880 ГОДА
В СБОРНИКЕ В. КАЛЛАША «РУССКИЕ ПОЭТЫ О ПУШКИНЕ»

Бакалаврская работа Марии Козловой

Научный руководитель —
Лектор Т.Н. Степанищева

Тарту 2014

Содержание

Введение.....	3
I. К истории сборника «Русские поэты о Пушкине» В. Каллаша	7
II. Пушкинский праздник 1880 года.....	10
III. «Памятник» и другие пушкинские тексты в стихотворениях 1880 года.....	14
IV. Лермонтовская «Смерть поэта» в стихотворениях 1880 года: мотивы и формулы.....	26
V. Цитатность как основной прием в поэтических посвящениях Пушкину.....	31
V.I. Образ поэта в стихотворении Я. П. Полонского «А. С. Пушкин».....	31
V.II. Пушкинские цитаты в других стихотворениях раздела	40
Заключение	48
Список использованной литературы.....	51
Kokkuvõte.....	53

Введение

Известно, что древний мир и миф всегда существовали вместе. Миф для древних культур был главным законом, основой их представлений о мире. По-другому дело обстоит с культурой и мировоззрением Нового времени, которые постоянно обновляются и развиваются. Новое время не может основываться на старой мифологии, миф теряет свое определяющее значение и превращается в символическое и метафорическое повествование. Однако и в Новое время рождаются мифы, каждая эпоха и каждая новая культура порождает некоторый набор культурных мифов. Как правило, эти мифы наследуются от предшествующих эпох (в измененном виде) как своего рода наследство, опора, укрепленная в прошлом и придающая понятные очертания настоящему (и программирующая будущее). Так Европа XIX века через миф стала пропагандировать романтизм. В России можно наблюдать похожие процессы: от церковного раскола до идеологии тоталитарного государства, где присутствие мифа было основополагающим. Следовательно, потребность культуры в мифе очевидна, но, согласно утверждению М. Н. Виролайнен в статье «Культурный герой нового времени» (Виролайнен: 1995), Новое время так и не смогло сделать миф своим достоянием. Виролайнен отмечает, что именно это дает нам право говорить о мифах нового времени в переносном смысле. Исследовательница объясняет это тем, что взаимодействие культуры и мифа часто затруднено, потому что миф как универсалия и культура как что-то новое полярны по отношению друг к другу. Но это не значит, что взаимодействия вообще не происходит. Концепция Виролайнен состоит в том, что пересечение истории и мифа вполне возможно в некоторой точке, которую современная наука называет культурным героем. Его появление дает шанс культуре создать свой миф. Таким культурным героем был и остается для России Александр Сергеевич Пушкин.

Поскольку слава к Пушкину пришла рано, уже в начале творческого пути начал формироваться миф о юном гении. Пушкинский миф – это масштабная система, которая включает в себя не только события биографии поэта, не только его литературные образы, но и мнения публики, читателей Пушкина. Таким образом, мифологизация пушкинского образа всегда была тесно связана с обществом и эпохой, обусловлена особенностями исторического и культурного процесса. Поскольку на смену одной эпохе приходила другая, миф о Пушкине

менялся — соответственно, также изменялся образ поэта в литературных произведениях, посвященных ему. Исследование Виролайнен подтверждает предположение, что образ поэта имел большое значение в мифологизации Пушкина: «... путь, пройденный Пушкиным, не воспроизводит никакой универсалии: он создает ее. И в этом смысле Пушкин является для новой русской истории классическим культурным героем» (Виролайнен: 332). Концепция Виролайнен достаточно убедительна, так как Пушкин для России действительно является «культурным героем». Но, заметим, что она, в свою очередь является еще одной интерпретацией пушкинского образа в огромной системе под названием *Пушкинский миф*.

Историческая эволюция культурных стереотипов, безусловно, является интересным объектом для исследователя. Наука стремится к обнаружению правды, но если объект научного анализа меняется во времени, его исследование должно продолжаться. Культурные мифы, в том числе миф о поэте, существуют во времени и постоянно трансформируются. Но потребность в объективном анализе остается всегда. Анализ исторического материала поможет нам лучше понять, как формировался миф о поэте, позволит выявить механизмы мифологизации пушкинского образа.

Материал для нашего исследования дал сборник стихотворений «Русские поэты о Пушкине», вышедший в 1899 году в Москве к столетию со дня рождения поэта. Составителем этого сборника является русский литературовед, фольклорист и библиограф Владимир Владимирович Каллаш. Он поместил в сборник поэтические обращения к Пушкину разных лет — от дружеских посланий, адресованных юному Пушкину его друзьями-поэтами, до юбилейных и других «стихов на случай», написанных в конце века. Это создает сложную картину, которая отражает, прежде всего, эволюцию восприятия и отношения к поэту, который постепенно становится «главным» в русской литературе, то есть, отражает базовые черты «пушкинского мифа» в определенном временном промежутке — от зарождения до полного оформления. Так как сборник представляет значительный хронологический срез поэзии, начиная с 1815 года (послания, адресованные лицеисту Пушкину) и заканчивая 1899 годом, и включает множество стихотворений, полномасштабное исследование его в рамках настоящей работы осуществить невозможно. Поэтому мы выбрали один аспект

для подробного анализа, группу стихотворений написанных на открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 году. Это событие считается новой и важной вехой в эволюции отношений к поэту как литературского сообщества и интеллигенции, так и общества в целом.

Нельзя не согласиться с О.С. Муравьевой, которая в своей статье «Образ Пушкина: Исторические метаморфозы» пишет о том, что современные отклики на смерть Пушкина считаются самыми выразительными: «...эти образы навсегда вошли в пушкинскую мифологию» (Муравьева: 116). Однако далее исследовательница замечает, что «поэтические отклики третьего ряда» «не дают никаких определенных и повторяющихся характеристик, представляя собой, вероятно, искренние, но достаточно безликие излияния по поводу смерти гения» (Муравьева: 116). Здесь мы вынуждены не согласиться с Муравьевой. На наш взгляд, и стихотворения поэтов «третьего ряда» — а таких в разделе 1880 г. преобладающее большинство — в своем роде достаточно выразительны и заслуживают внимания — как минимум, с точки зрения истории пушкинского мифа и эволюции русского литературного канона.

Открытие памятника в 1880 году явилось значительным событием в истории русского общества и культуры. Нам кажется важным проанализировать отклики поэтов на этот значимый для российской истории эпизод. Стихотворения на открытие памятника Пушкину не только дополняют миф о поэте, но и отражают уже устоявшиеся его черты. Поэты используют самые расхожие элементы пушкинского мифа, но варьируют их, тасуют и дополняют. Здесь у каждого поэта представлен «свой» Пушкин, что показательно в свете эволюции пушкинского образа в массовом сознании. Главными приемами создания пушкинского образа в стихотворениях 1880 года становятся опора на пушкинские тексты и цитирование. Это определяет главную цель нашего исследования — обнаружение в описанной группе стихотворений разнообразных отсылок к Пушкину, реминисценций и цитат из его произведений.

Композиция нашей работы подчинена решению поставленных задач. В первой главе «К истории сборника “Русские поэты о Пушкине“ В. Каллаша» мы вкратце опишем историю создания книги, мотивы, которыми руководствовался В. Каллаш, собирая эти стихотворения, а также ознакомимся с отделами, которые выделил внутри книги.

Поскольку сборник Каллаша остается неизученным, и исследований о нем и его составителе нет, эта глава не может быть названа историографической. Однако наиболее важные для рассматриваемой темы (пушкинский миф, пушкинский канон) исследования — прежде всего, статьи М. Н. Виролайнен «Культурный герой нового времени» (Виролайнен: 1995), О.С. Муравьевой «Образ Пушкина: исторические метаморфозы» (Муравьева: 1995), описывающие структуру пушкинского мифа — будут использованы в соответствующих главах нашей работы.

Книга М. Ч. Левитта «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 г.» (Левитт: 1994), посвященная истории пушкинского торжества, а также описывающая его значение и следствия, явилась важным подспорьем для нашей работы. Ее важнейшие положения будут представлены во второй главе «Пушкинский праздник 1880 года». Третья глава содержит разбор избранных стихотворений из раздела 1880 года с точки зрения повторяющихся мотивов из пушкинского «Памятника». Также в нашей работе будет затронута статья М. В. Строганова «Смерть Пушкина в стихах его современников» (Строганов: 1989). В четвертой главе мы рассмотрим мотивы и формулы из лермонтовской «Смерти поэта» в текстах 1880 года, опираясь на статью Г. А. Левинтона «Смерть поэта: Иосиф Бродский» (Левинтон: 1998), которая посвящена циклу «Смерть поэта» в русской поэзии XIX и XX века, а также статью А. А. Долинина «Цикл “Смерть поэта” и “29 января 1837” Тютчева» (Долинин: 2006). Эти статьи чрезвычайно важны для выбранной нами темы.

Пятая глава работы состоит из двух параграфов, «Образ поэта в стихотворении Я. П. Полонского “А. С. Пушкин”» и «посвящена анализу одного стихотворения, которое представляет, на наш взгляд, творческую биографию Пушкина. В шестой главе нашей работы будут представлены стихотворения, которые стоят ниже стихотворения разобранных в предыдущей главе, но имеют схожую структуру и отражают творчество Пушкина.

В заключении мы подведем итоги проделанной работы, суммируем наблюдения и сделаем вывод, каким образом стихотворения 1880 года создают миф о поэте и в то же время являются некоторой новой ступенью развития этого явления. В финале мы обозначим дальнейшие пути исследования поставленных в работе проблем.

Глава I

К истории сборника «Русские поэты о Пушкине» В. Каллаша

Владимир Владимирович Каллаш – русский и украинский литературовед, фольклорист и библиограф. Он дебютировал в печати в 1884 году. Труды Каллаша посвящены творческой истории, текстологии и библиографии русских писателей XIX века. В частности, ученый занимался собиранием стихотворений, так или иначе посвященных Пушкину. Эти стихотворения составили несколько книг, в числе которых был сборник «Русские поэты о Пушкине» (1899).

Сборник «Русские поэты о Пушкине» начинается с предисловия автора-составителя, в котором В.В. Каллаш объясняет причины появления книги именно в это время и в таком составе. Год издания, 1899-й, неслучаен — это важная дата, столетие со дня рождения Пушкина. В предисловии составитель сборника отдает дань уважения таланту Пушкина, а также упоминает других знаменитых писателей, мнения которых повлияли на литературу XIX века. Это — Державин, Батюшков, Вяземский, Жуковский и др. Все они, так или иначе, имели отношение к Пушкину.

Каллаш пишет о поэтической и общественной оценке Пушкина, и утверждает, что они были связаны между собой и влияли одна на другую. По мнению составителя сборника, «когда русское общество, подхваченное новой волной романтического течения, охладело к реальной музе своего любимца, поэты не изменили ему»¹. Следует отметить, что Каллаш вполне согласен с тем, что многие из адресованных Пушкину стихотворений, помещенных в сборнике, отличаются высоким уровнем мастерства. Однако в искренности поэтов составитель сборника не сомневается. Он уверен в том, что независимо от уровня дарования, любой поэт понимает другого поэта лучше, чем человек, не имеющий ничего общего с литературой, и способен изобразить все тонкости, оценивая великого поэта. Каллаш утверждает, что подборка стихотворений, помещенная в книге, основана не на субъективном мнении: «Собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этим устраняли и субъективность выбора» (Каллаш: 5). Более того, он считает, что в произведениях знаменитых поэтов есть слабые

¹ Каллаш В. Русские поэты о Пушкине: Сб. стих. М., 1899. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться непосредственно после цитат в скобках.

места, так же, как и в стихотворениях малоизвестных авторов есть то, что заслуживает особого внимания с литературной и исторической точек зрения. Рядом со стихотворениями именитых поэтов, таких как Майков, Полонский, и Фет, он ставит стихотворения дилетантов и даже ученические опыты гимназистов. В. Каллаш распределил собранные им стихотворения по отделам, которым даны тематические и хронологические заглавия. Первый отдел составили стихотворения, написанные при жизни Пушкина (с 1815 по 1837 г.). В этом отделе, например, можно найти немало стихотворений лицейских друзей поэта: Дельвига и Кюхельбекера.

Второй отдел посвящен 1837 году, гибели поэта. По числу стихотворений второй отдел намного меньше первого. В нем только 18 текстов. Открывает этот отдел известнейшее стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть Пушкина». Далее в этом отделе помещены стихотворения Тютчева, Жуковского, Ф. Глинки и других. Третий отдел охватывает период с 1837 по 1880 год, в нем представлены тексты на самые разные темы, связанные не только с биографией Пушкина, но и с его творчеством.

Открытию памятника Пушкину в Москве посвящен четвертый отдел, большинство стихотворений которого имеют название, связанное с этим событием. Это довольно большой по объему отдел, состоящий из 48 стихотворений, в которых мифологизация Пушкина сильно шагнула вперед. Этот отдел и станет основным объектом анализа в нашей работе. В большинстве стихотворений этого отдела поэты цитируют самого Пушкина. Например, они часто используют строки из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в разных вариациях. Но не только этот текст Пушкина отражается в разделе 1880 года. Об этом более подробно мы будем писать далее.

Пятый отдел вмещает в себя стихотворения 1880-1887 годов. Он самый маленький по объему. Всего шесть стихотворений. Шестой отдел посвящен юбилейным стихотворениям 1887 года. В этом разделе продолжается тема пушкинского памятника 1880 года. Кроме того, в стихотворениях присутствуют множественные аллюзии на другие стихотворения – самого Пушкина и других поэтов, писавших о нем.

Седьмой отдел включает в себя стихотворения 1887-1899 годов. Юбилейные стихотворения 1899 года в этот сборник не вошли. Их оказалось очень много, поэтому Каллаш издал это собрание отдельно в 1908 году.

Последний, восьмой отдел - дополнительный. Он разделен на две части. Первую составили четыре стихотворения, которые В. Каллаш считает предположительно относящимися к Пушкину. Во второй части находятся четыре переводных стихотворения, которые написаны польским, латышским и персидским поэтами. За ними помещены стихотворения и эпиграммы разных лет, которые, по словам Каллаша, были найдены в ходе подготовки сборника к печати.

Глава II

Пушкинский праздник 1880 года

Открытие памятника А. С. Пушкину в 1880 г. стало значительным, культурным и общественным событием не только для Москвы, но и для всей России. Известно, что была проделана огромная работа по подготовке к открытию памятника. Об этом пишет в специальном исследовании «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года» Маркус Ч. Левитт. На эту книгу по преимуществу мы будем опираться далее, обращаясь к подробностям тогдашних событий.

Как отметил С. О. Шмидт, «в Москве впервые воздвигался памятник негосударственному деятелю или полководцу, но человеку, знаменитому свершенным им на ниве культуры, притом памятник, сооруженный по предложению общественности и в значительной мере на собранные пожертвования» (Шмидт: 262). Сама идея устройства памятника родилась на встрече выпускников Царскосельского Лицея, который с 1843 г. носил название Императорского Александровского лицея и располагался в Петербурге. С ней бывшие лицеисты обратились к директору Лицея Н. И. Миллеру, через него предложение было отправлено к двоюродному брату Александра II принцу Ольденбургскому, который возглавлял Четвертое Отделение. Затем с предложением познакомился Александр II и одобрил его: «Согласен, и памятник поставить в Царском Селе, в бывшем Лицейском саду» (Левитт: 49).

Кампания по сбору средств на памятник началась в 1861 г., но так как подписка не была общедоступной, к 1863 г. эффективность кампании резко снизилась, а к концу 1860-х гг. накопление средств вовсе остановилось. Тогда лицеисты братья К. К. и Я. К. Грот создали новый комитет и уже через него возобновили подписку на памятник Пушкину. Также они решили изменить место расположения памятника, так как считали Лицейский сад не самым лучшим выбором. Комитет предложил поставить памятник в Москве, в городе, где родился поэт. Братья Грот опубликовали объявления о подписке во многих периодических изданиях, благодаря этому сбор средств пошел гораздо активнее. Среди жертвователей были преподаватели гимназий, чиновники всех классов, литераторы, разные общественные комитеты. Окончательная сумма была оглашена в 1880 г. на Пушкинских торжествах, она составляла 106 575 руб. 40 коп. По словам Я. К. Грота, это было «истинное народное предприятие,

совершенное по частному почину, безо всякой примеси бюрократического или приказного характера, без дополнительных пособий от казны и притом со сбережением довольно значительной суммы» (Цит. по: Левитт: 60). Важнейшим делом в подготовке пушкинского праздника стал выбор самой статуи, который занял в общей сложности около трех лет. Было проведено три конкурса, и в итоге лучшей была признана работа А. М. Опекушина.

Нельзя не упомянуть об историческом контексте готовящегося пушкинского торжества. Окончание в 1878г. Русско-турецкой войны способствовало росту революционных настроений. В 1879 г. начала свою деятельность «Народная воля» — радикальная партия, считавшая террор основным способом принуждения самодержавия к реформам. В разрешении конфликта между царским правительством и революционным движением могла помочь интеллигенция, в поддержке которой весной 1880 года правительство сильно нуждалось. По мнению Левитта, «пушкинские торжества совпали с новой волной оптимизма, когда надежды интеллигенции на активное участие в политической жизни России достигли своего апогея» (Левитт: 70). Таким образом, пушкинский праздник знаменовал надежду на примирение государства, которому интеллигенция мало верила, с революционерами. Однако действия публициста М. Н. Каткова, обвинившего интеллигенцию в предательстве, сыграли свою негативную роль и явились «политическим фоном, на котором разворачивался Пушкинский праздник и который направил общее внимание на торжества, придав им смысл защиты интеллигенции» (Левитт: 71). После выступлений Каткова Общество любителей Российской словесности намеревалось исключить его из списка приглашенных торжества, так как многие опасались, что Катков разрушит всю красоту и значимость события. Тем не менее, слухи такого рода только подогревали интерес к празднику.

Немалый вклад в торжества внесла пресса, которая освещала каждый момент праздника. По выражению И. С. Аксакова, пресса превратила открытие Пушкинского памятника «из праздника нескольких московских литераторов в истинное событие в историческом развитии русского общества, — великий акт нашего народного самосознания, новую эру, поворотный пункт для наших молодых поколений» (Цит. по: Левитт: 75). По подсчетам Левитта, в список

делегаций было внесено 22 газеты и журнала, что было малой частью от общего числа корреспондентов, присутствовавших на празднике (Левитт: 77).

Вообще масштабы праздника были огромны. По разным оценкам, на нем присутствовало «от ста тысяч до более полумиллиона человек; улицы и тротуары, специальные трибуны, сооруженные предприимчивыми дельцами, и амфитеатр, построенный городом для гостей-женщин, были полны народа» (Левитт: 97). Современники не ожидали такого наплыва гостей; так, Левитт приводит замечание Суворина о том, что никто не ожидал такого фурора. Многие считали, что это будет незначительное торжество, но в реальности «всякий почувствовал себя на своем месте, всякий почувствовал себя участником в каком-то серьезном деле...» (Левитт: 102).

В ходе праздника перед собравшимися выступили писатели и поэты с речами, посвященными Пушкину. Это были И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Я. П. Полонский, А. Н. Майков и А. Н. Плещеев. От речи Тургенева ожидали большего, чем простого выражения уважения поэту. Тургенев не решился объявить Пушкина русским национальным поэтом. Вместо него это сделал Достоевский, который 8 июня на втором заседании ОЛРС «обезоружил, победил и покори́л слушателей» (Левитт: 143) своей речью. Приведя слова Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа» (Гоголь: 50), Достоевский развил его высказывание: «Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое» (Достоевский: 425). Достоевский, говоря о Пушкине и его произведениях, показал слушателям, какой должна быть русская душа и как развитие русского человека может повлиять на ход мировой истории. Речь Достоевского произвела исключительное впечатление – по сообщению И. Ф. Василевского, «когда Достоевский кончил, вся зала духовно была у ног его. Он победил, растрогал, увлек, примирил. <...> У мужчин были слезы на глазах, дамы рыдали от волнения, стон и гром оглашали воздух» (Цит. по: Левитт: 141). Более того, в течение полугода речь Достоевского находилась в центре внимания критиков, она перепечатывалась и обсуждалась. Достоевский, по выражению Левитта, «подарил» России национального поэта и надежду, на решение будущих проблем России.

Стремление общественности к единству и было главной чертой Пушкинского праздника. Под эгидой Пушкина надеялись примириться и государство с революционерами, и интеллигенция с простым народом. По мысли Левитта, «праздник, без сомнения, утвердил Пушкина в роли мифологического спасителя России, посредника между Россией и Западом и вечного символа национального и культурного единства, о котором будут думать последующие поколения и за которое будут бороться» (Левитт: 162).

Это событие приобрело огромное культурное значение, причем не только в российской истории, и потому нам кажется важным проанализировать отклики поэтов на него. Это позволит дополнить картину праздника 1880 года, обрисованную Ч. М. Левиттом, а также уточнить диахроническое развитие пушкинского мифа.

Глава III

«Памятник» и другие пушкинские тексты в стихотворениях 1880 года

Под рубрикой 1880 года в сборнике В. Каллаша помещены стихотворения, прежде всего, посвященные открытию в Москве пушкинского памятника. Как уже было отмечено ранее, для своего сборника Каллаш отбирал стихотворные посвящения Пушкину не по качеству, его выборка претендовала только на максимальную полноту. Это относится и к разделу 1880 года. Анализ текстов из этого раздела показал, что у стихотворений имеется ряд схожих черт – это, прежде всего, общие мотивы, обусловленные выбранной темой, и также отсылки к одним и тем же пушкинским текстам (цитаты и реминисценции).

Чаще прочих пушкинских текстов в стихотворениях 1880 года цитируется «Памятник» 1836 г., особенно начальные его строки: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа» (Пушкин: III, 424). Актуализация именно этого фрагмента объясняется современными обстоятельствами: открытие памятника Пушкину в Москве авторы стихотворений представляют как «исполнение завещания» поэта, то есть понимают цитату буквально. Они используют пушкинскую цитату чаще всего в «сильных местах» текста, т. е. в начале или конце, тем самым подчеркивая важность произошедшего события. Так, в начале своего стихотворения «К памятнику Пушкина, 26 мая 1880 года» пишет А. А. Фет:

*Исполнилось твое пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик, –
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласит: ты гений, ты велик! (Каллаш: 171).*

В отличие от других поэтов, Д. Д. Минаев в своем отклике «С неевского берега» на открытие памятника раскрывает метафорический смысл пушкинских строк. У Минаева настоящим памятником является вовсе не бронзовая фигура поэта, а именно память о нем:

*Не будем поминать мы их, –
Но памятник нерукотворный
Его – вокруг нас и в нас самих
Им наша молодость согрета,*

Он — *гордость лучшая Невы...*

Нет, не уступим мы поэта:

Он наш не менее Москвы! (Каллаш: 175-176).

Здесь стоит отметить, что в стихотворении Минаева присутствует сюжетный мотив, который появится также в юмористических стихотворениях в конце раздела – спор Москвы и Петербурга по поводу того, кому из них «принадлежит» Пушкин (к нему мы еще вернемся). У Минаева выходит, что «рукотворный» памятник Пушкину принадлежит Москве — городу, где Пушкин родился и где теперь стоит бронзовый ему памятник, а «нерукотворный», т.е. настоящий, памятник – *на берегах Невы*, в сердцах и душах жителей Петербурга.

По-своему варьирует пушкинскую цитату И. К. Кондратьев в стихотворении «А. С. Пушкину», обыгрывая оригинальный эпитет:

В сердцах ты жив из года в год,

И жив твой стих могучий, благотворный;

И вот тебе любимый твой народ

Воздвигнул памятник *духовно-рукотворный* (Каллаш: 198).

Эпитет Кондратьева *духовно-рукотворный* составлен из двух прилагательных, которые входят в противоречие друг с другом, и является оксюмороном. Возможно, Кондратьев хотел указать на то, что этот памятник материален, он сотворен руками, но в то же время он духовный, потому что «*в сердцах ты жив из года в год*».

Не только эта цитата из пушкинского стихотворения находит свое отражение в разделе 1880 года. Тема памяти проходит через все помещенные в нем стихотворения. Фрагмент из пушкинского «Памятника» о том, что слава и память поэта будут на устах у разных народов, встречается в посвящениях в разных интерпретациях. Например, у А. А. Голенищева-Кутузова:

И знает он, что плещущие воды

К его стопам покорно притекут,

Что *всей Руси языки и народы*

Ему дань славы вечной принесут (Каллаш: 171).

Схожую формулу встретим и у А. Н. Майкова: «Уж тебя честит и славит / *Всяк народ и всяк язык*» (Каллаш: 168). Известный фрагмент «Памятника», включающий перечисление «сущих» в России «языков», в стихотворениях 1880 года поэты используют для изображения тех, кто пришел к памятнику, чтобы поклониться поэту. При этом национальные характеристики могут сочетаться с

социальными и профессиональными, таким образом, создается поэтический образ «всенародного» праздника, объединяющего не только все народы империи, но и все сословия. Так, например, как у А. Иваницкого в стихотворении «Перед памятником Пушкину»:

У каждого радость, веселые лица,
Всяк полон душевной отрады идет.
Здесь виден *вельможа* и *странник* убогий,
И *финн*, и *крестьянин* в своем армяке,
И *гость-чужеземец*, *пришлец* издалека,
Писатель, поэт. Все с венками в руке... (Каллаш: 195).

Сравним с пушкинским источником:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук *славян*, и *финн*, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей *калмык* (Пушкин: III, 424).

Большое внимание авторы посвящений уделяют еще одному эпизоду из пушкинского «Памятника», где описано воздействие стихов на читателей. Пушкинские тексты дают возможность человеку проявить лучшие свои душевные качества, пробуждают любовь, сострадание, восхищение красотой окружающего мира:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал (Пушкин: III, 424).

Отсылки к этому фрагменту найдем в стихотворении Н. С. Курочкина:

Что, гению его послушно, русский стих
Оправой яркою стал *лучших чувств людских*.
Вот в чем навек был *след оставлен благородный*
Создавшим памятник себе нерукотворный (Каллаш: 173).

В стихотворении П. М. «На открытие памятника А. С. Пушкину», где мы обнаруживаем отсылку к тому же фрагменту «Памятника», сохранена даже пушкинская рифма, при этом члены рифменной пары поменялись местами. Очевидно, в этом не стоит искать каких-то дополнительных смыслов, неуклюжесть конструкций свидетельствует, скорее, о подражательности неумелого стихотворца:

Кто, верен долгу, верен чувству,
На падших милость призывал,

И честно кто служа искусству

Добро в народе пробуждал (Каллаш: 188).

Известно, что Пушкин создавал свой «Памятник» в диалоге с одноименным стихотворением Державина на ту же тему, которое, в свою очередь, являлось «подражанием» известной оде Горация (процитированной Пушкиным в эпитафии). Цитата из Державина: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный, / Металлов тверже он и выше пирамид» (Державин: 233) находит свое отражение в стихотворении «Памяти А. С. Пушкина» В. Ракитина: «Пусть прочнее бронзы и гранита / Сам себе ты памятник воздвиг» (Каллаш: 194). Ракитин пишет об устойчивости и несокрушимости памятника как в прямом, так и в переносном смысле. Тот же мотив использует в своем стихотворении «Памяти Пушкина» А. Зеленецкий: «Воздвиг ты памятник *нетленный* / И *неколеблемый* себе» (Каллаш: 200). Подобная отсылка имеется и у О. Б. Миллера в стихотворении «Перед памятником Пушкина», но здесь автор имеет в виду творчество поэта, которое будет жить вечно: «Но Пушкина бессмертные творенья / *Переживут и бронзу и гранит*» (Каллаш: 202).

Не все представленные в сборнике поэты умели справляться с материалом, выдерживать стилистику цитируемого текста, приспособлять «чужое слово» к слову «своему». Так, например, в стихотворении М. Г. Ярона (авторский псевдоним – *Маркярон*) прилагательное *превосходный* (вместо *нерукотворный*) полностью меняет смысл пушкинской реминисценции: «Ты памятник себе воздвигнул *превосходный*, / На пьедестал его сумел, как гений стать» (Каллаш: 189). Вместо абсолютной (безотносительно других памятников) характеристики появляется относительная: *превосходный* – то есть превосходящий других, возвышающийся над ними. Другой поэт, выступавший под псевдонимом М., в свое стихотворение «У подножия памятника» вставил точную цитату из пушкинского «Памятника» и после нее продолжил писать тем же размером, не возвращаясь к первоначально выбранному:

Он завещается потомкам,

Они должны его понять

И по разрушенным обломкам

Заветный образ угадать...

«Я памятник себе воздвиг *нерукотворный*;

К нему не зарастет народная тропа;

Вознесся выше он главою непокорной

Наполеонова столпа...»
И годы протекли... Предвечного закона
Исполнен приговор: мы памятник любви
Воздвигнули в сердцах, а столп Наполеона
Лежал, разрушенный, в пыли... (Каллаш: 211).

Еще один пример точной цитаты найдем в стихотворении И. Завалишина «Пушкин» из пушкинского «Андрея Шенье» (1826):

*Меж тем как удивленный мир
На урну Байрона взирает
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает, -
Где ж сладкозвучный наш певец,
Шенье страдальчески кончину
Воспевший, горько для сердец
Пророча сам свою судьбину?* (Каллаш: 216).

Сравним с пушкинским оригиналом:

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,
Совет меня другая тень... (Пушкин: II, 397).

Завалишин не только цитирует текст Пушкина, он пишет свое стихотворение тем же размером, которым был написан «Андрей Шенье». Пушкинский зачин, переадресованный теперь самому автору, в новом контексте получает новый смысл. Пушкин, предвосхитивший свою трагическую судьбу в стихотворении, посвященном Шенье, у Завалишина сам становится «тенью», к которой обращается новый поэт, несмотря на то, что весь мир занят смертью Байрона. У Завалишина этот мотив целиком литературен, то есть обусловлен поэтическим источником, потому что смерть Байрона к концу XIX века уже перестала быть актуальной литературной новостью.

Кроме «Памятника», в стихотворениях на открытие монумента 1880 года отозвались и другие стихотворения Пушкина, трактующие тему поэта и поэзии. Так, несколько раз источником цитат и реминисценций становится стихотворение «Пророк» (1826). В стихотворении Кондратьева «А. С. Пушкин» пушкинский «Пророк» является подтекстом, Кондратьев как бы продолжает сюжет этого пушкинского стихотворения с точки зрения «людей», и вместо одного «пророка»

у него – «пророки» (во множественном числе). Пророки несут «печать Божьего следа», то есть уже пережили духовное преображение и посланы к людям высшей силой. В «смутные года, когда повсюду надобны уроки», «вещий голос» этих пророков пробуждает людей и открывает им истину:

Их *голос* вещей силою гремит —
То *сладостно*, то *жгуче*, то *сурово*.
Застонут – стон их всякого томит,
Заговорят – все в говоре их ново.
Несут они закон своей стране,
Пред ними мрут завистливые взгляды,
Как перед солнцем ярким в глубине
Ночных светил далекие плеяды (Каллаш: 197).

Этот фрагмент является сюжетным продолжением пушкинского «Пророка»:

И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» (Пушкин: III, 30-31).

В стихотворении «А. С. Пушкину», втором тексте Кондратьева в разделе 1880 года, автор вновь апеллирует к последним строкам того же «Пророка»:

И счастлив тот народ, который возрастил
В своей глуши поэзии *пророка*.
Живи ж, поэт, пленяй стихом сердца, —
Да учатся преемники-поэты! (Каллаш: 198).

При некотором подобии мотивов и лексико-синтаксических конструкций у Кондратьева иной по сути призыв: у Пушкина к поэту обращается Бог и велит ему *глаголом жечь сердца*, а у Кондратьева поэт обращается к поэту и призывает его *жить и пленять стихом сердца*.

В продолжение темы поэта и поэзии в разделе 1880 года находят отражение такие стихотворения Пушкина, как «Поэт и толпа» (1829) и «Поэту» (1830). В частности, упомянутый выше сонет А. А. Фета «К памятнику Пушкина, 26 мая 1880 года» развивает тему поэта и толпы. В мире, окружающем поэта, нет места настоящему искусству. Хотя «пророчество» Пушкина исполнилось, т.е. памятник воздвигнут, настоящего единения поэта и народа все равно не произошло. Фет настроен явно скептически по отношению к юбилейным торжествам и почестям: «мы дерзаем снова / Всемирно возгласить: ты гений, ты

велик!», но эти возгласы поэт называет «вавилонским криком» и предполагает, что ничего «заветного и родного» Пушкин не нашел бы в них:

На этом торжище, где – *гам и теснота*,
Где *здоровый русский смысл примолк*, как сирота, –
Всех громогласней – *тать, убийца и безбожник*,
Кому печной горшок – всех помыслов предел... (Каллаш: 171).

Последняя строка приведенного отрывка коррелирует с фрагментом из пушкинского «Поэт и толпа»:

Молчи, бессмысленный народ.
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкой,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь (Пушкин: III, 141-142).

В финале сонета появляется цитата из другого стихотворения Пушкина: «... Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел, / Толкать дерзая твой незыблемый треножник». Ср. в стихотворении 1830 г. «Поэту»:

Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет *твой треножник*
(Пушкин: III, 223; курсив наш. — М.К.).

Таким образом, Фет следом за Пушкиным говорит о приземленности и узости понятий народа, который не способен понимать высшие духовные устремления, не способен понять искусства. У Фета поэт остается, несмотря на славословия, непонятым — таким образом, пушкинский императив 1830 года оказывается реализованным. В сонете Фета исполняется не одно «пророчество» Пушкина, как у других авторов, а два (не только воздвигнут памятник, но и толпа покушается на него).

Вернемся теперь к мотиву, который был упомянут выше, — мотиву соперничества Москвы и Петербурга за право считать поэта своим. Стихотворение Л. К. Панютина (авторский псевдоним – Нил Адмирари)

повествует в юмористической манере о том, как два города спорили, «которому из них тщеславиться поэтом?» (Каллаш: 218). Москва в свою защиту приводит несколько доводов: во-первых, именно там родился поэт; во-вторых, в светском Петербурге поэт получил «букет *фривольного* поэта»; в-третьих, там его настиг «тяжелый крест молвы», и «пагубная месть» заставила пойти на дуэль. Петербург же гордится тем, что Пушкин покинул Москву и «променял» ее на Петербург, где и развернулся его поэтический талант. В споре победы не одержал ни один из городов, так как, по мнению автора, такие споры не имеют значения:

Как пчелы в улее, жужжали те два града,
Кому венчать певца посмертною наградой.
И спор двух городов уснувшего давно
Певца тревожил сон лишь понапрасну. Но...
Поэта наделил, к несчастью, этот улей
И роковой женой и роковою пулей! (Каллаш: 219)

Тема соперничества Москвы и Петербурга также встречается в сатирическом стихотворении Д. Д. Минаева (псевдоним — М. Д.) «От времени до времени». Это согласно авторскому определению «поэма-хроника», которая описывает самые ключевые моменты Пушкинского торжества 1880 года. В подтексте здесь, возможно, стихотворение Ф. Н. Глинки «Москва» 1840 г., в пользу этого говорит сочетание 4-стопного хорея с упоминанием двух символов Москвы — «Царь-колокола» и «Царь-пушки». Однако Минаев строит свою двухчастную «поэму» в форме диалога, и тема ее отличается от темы стихотворения Глинки. Первая часть представляет собой диалог между Царь-колоколом и Царь-пушкой, которые обсуждают пушкинский праздник, например, известный скандал с участием М. Н. Каткова:

У подножья монумента
Стихли распри и вражда...
Сам Катков воскликнул даже:
«Помиримся господа!»
— «Ну об этом слух различен»
Пушка молвила в ответ:
«И Каткову не хотели
Представители газет,
Как я слышала сегодня,
Протянуть своей руки»...
Но Царь-Колокол озлился

«Только злые языки
Распускают эти слухи
Нам в обиду и позор...
Ты ж, Царь-пушка, как болтушка,
Повторяешь всякий вздор» (Каллаш: 224).

Во второй части действие перемещается в Петербург, диалог ведут сфинксы, стоящие на набережной перед Академией художеств. Они также обсуждают открытие памятника Пушкину и выражают недовольство по этому поводу:

«И ему в Москве воздвигнут
Нынче памятник... Увы,
Ожидать не мог такого
Я поступка от Москвы!
От досады хоть в Неву я
Рад нырнуть ночной порой».
— «Я и сам рад утопиться»,
Глухо молвил сфинкс второй (Каллаш: 226).

В этой поэме также пародически перепевается песня Мери из пушкинской трагедии «Пир во время Чумы» (1830) — во второй части, когда сфинксы говорят об изменившемся времени:

Было время — обвивался
Свежим лавром меч один.
И не смел о лаврах думать
Всякий мирный гражданин;
Было время — пирамиды,
Поднимая груды скал,
Только славным фараонам
Наш Египет воздвигал.
А теперь преобразился
Совершенно белый свет... (Каллаш: 225).

Сравним с песней Мери:

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь божия полна; <..>
Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста (Пушкин: VII, 176).

Сфинксы, как и Мери, вспоминают прошлое, которое было лучше настоящего. Мери поет о блаженном и гармоничном мире, уничтоженном чумой. В поэме «От времени до времени» сожаления о прошлом приобретают иронический оттенок, потому что помещены в речи персонажей, каменных сфинксов. Сфинксы свысока судят о писателях, осуждают современную практику их увековечения и считают справедливым, что памятник Крылову стоит в Летнем саду «не на виду», не на площади — где место только самим сфинксам и «великим полководцам», «презирающим Парнас».

Образ Пушкина-лицеиста важен для поэтов, откликнувшихся на открытие памятника, так как именно в Лицее развивался пушкинский поэтический дар. Вообще образ Лицея является неотъемлемой чертой, некоторым символом, который дополняет образ самого поэта. Лицейская тема и сюжеты, связанные с Лицеєм, играют важную роль в лирике Пушкина. Здесь достаточно вспомнить хотя бы традицию ежегодных стихотворных посвящений лицейским годовщинам. Поэтому вполне закономерно, что в репертуаре пушкинских подтекстов в стихотворениях 1880 года встречаются и «лицейские» фрагменты. Так, Д. В. Аверкиев в своем посвящении «Памяти А. С. Пушкина» проецирует на лирического героя сюжет прогулки по «садам Лицея», при этом Пушкин служит герою своего рода «проводным»:

Как часто отроком, *охваченный мечтой,*
Я убежал в твой сад, обширный и прекрасный
Где все исполнено приветливой красой, <...>
Внимал твоим словам душою полузрелой
И их запоминал в сердечной глубине,
И робко вторил им на лире неумелой (Каллаш: 207).

Сравним с фрагментом из «Воспоминаний в Царском Селе» (1828-1829):

Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я (Пушкин: III, 189).

Другое стихотворение Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), посвященное последней лицейской годовщине, отразилось в стихотворении И. Вашкова «Памяти А. С. Пушкина»:

Была пора: в храм Аполлона
Русь жертв священных не несла

И сладкогласной лиры звона
Ценить, как должно, не могла.
Огонь поэзии прекрасной
В дремавший разум не проник,
И с рифмой звучною и страстной
Не ладил грубый наш язык.
Пришел поэт – и звоном лиры
Дремавшей разум пробудил
И мощью творчества кумиры
Рукою властною *открыл* (Каллаш: 196).

Сравним с пушкинским источником цитат:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой. <...>
Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он пресмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его задравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется (Пушкин: III, 431).

В обоих стихотворениях сравниваются две «поры»: какая *пора была* и какая *теперь наступила*, прошлое и настоящее. Но если у Пушкина идеал помещен в прошлое: праздник был *молодой и шумный*, а теперь «*пресмирел, утих, остепенился*», — то у Вашкова, наоборот, прошлое было временем темным, непросвещенным, чуждым поэзии, и лишь с появлением Пушкина «дремавший разум пробудился» и «нравственный застой» был рассеян (то есть, тут Пушкин становится культурным героем, демиургом, который вывел Россию из тьмы). Схожей формулой пользуется и В. Попов в своем стихотворении «Перед памятником Пушкину»:

Была пора: густою мглою
Закрылось солнце в небесах,
И мы печальною толпою
Бродили ощупью впотьмах:
Как в сне тревожном, мы дышали,
На всем тяжелый гнет лежал <...>
Явился ты – твой стих блестящий
Тот мрак, как молния, *пронзил,*
Рассеял мглу и настоящий

Нам *путь* к прогрессу *озарил* (Каллаш: 215).

Заканчивает свое стихотворения В. Попов отсылкой к еще одному пушкинскому тексту, а именно к стихотворению «Вновь я посетил...» (1835). Он развивает мотив вечной памяти поэта, которая проходит и будет проходить через многие поколения:

Тобою брошенное семя
Уже обильный плод дало,
И не одно *младое племя*
На этой ниве возросло.
Источник чистых вдохновений
По ней попрежнему бежит,
И жажду многих *поколений*
Он утолил и *утолит!* (Каллаш: 216).

Сравним с пушкинским фрагментом:

Здравствуй, племя
Младое, *незнакомое!* не я
Увижу твой могучий поздний возраст <...>
Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, <...>
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет (Пушкин: III, 400).

Сделанные нами наблюдения над стихотворениями, посвященными открытию памятника Пушкина, подтверждают наличие у них объединяющих черт: это не только те общие мотивы, появление которых обусловлено общей темой, но также и отсылки к стихотворениям Пушкина, разнообразные цитаты и реминисценции. Это указывает на значимость пушкинского цитатного слоя в обращенных к нему стихах, на важность пушкинского «слова» в формировании его поэтического образа. Примечательно, что догадку об этом можно найти уже в сборнике В. Каллаша. В. Зотов в своем посвящении «Памяти лицейского поэта» пронищательно заметил: «И Пушкина почтить достойно можно / Лишь только Пушкинским стихом» (Каллаш: 249).

Глава IV

Лермонтовская «Смерть поэта» в стихотворениях 1880

года:

мотивы и формулы

Внезапная гибель Пушкина в 1837 году оставила заметный след как в русской литературе, так и в истории XIX века. Это событие получило широкую огласку и, как следствие, литературный резонанс. Многие поэты откликнулись на его смерть, представляя ее как большую утрату, постигшую Россию. Самым значительным текстом в этом ряду стало стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», которое было написано в конце января – начале февраля 1837 года (начато сразу по получении известия о ранении Пушкина и окончено вскоре после его смерти). Это стихотворение считается самым ранним и наиболее влиятельным в культурном отношении откликом на смерть поэта. Сюжет пушкинской смерти оформляется при помощи мотивов и формул их лермонтовского стихотворения. По замечанию А. Долинина в его статье «Цикл “Смерть поэта” и “29 января 1837” Тютчева», «И. И. Панаев только слегка преувеличивал, когда писал, что стихи Лермонтова “переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми”» (Долинин). Стихотворение Лермонтова сыграло большую роль в дальнейшем развитии темы «смерти поэта». Г. А. Левинтон специально обследовал большой поэтический материал, связанный с этой темой, и сделал заключение, что «в русской поэзии есть особый цикл “Смерть поэта”, цикл надындивидуальный, который существует не у одного поэта, а в русской поэзии как едином целом» (Левинтон: 193).

В четвертом отделе сборника «Русские поэты о Пушкине», где помещены стихотворения 1880 года, тема «смерти поэта» представлена довольно широко. Можно даже утверждать, что она является одной из главных тем отдела. Многие авторы, чьи стихи вошли в этот отдел, так или иначе апеллировали в них к некрологическому стихотворению Лермонтова, использовали его отдельные фрагменты, мотивы и образы в своих сочинениях. Также присутствует большое количество аллюзий на лермонтовский текст. Г. А. Левинтон, описывая поэтические тексты, типологически сходные с теми, которые занимают нас, заметил:

<...> обилие цитат («подтекстов», «интертекстов») в этих стихах обусловлено тем, что смерть поэта всегда уже была (только смерть другого поэта, а это новое событие нам еще только предстоит пережить, осознать и вместить). И уже были стихи на смерть поэта, и потому стихи этого цикла – кажется, без заметных исключений – всегда включают реминисценции не только из того поэта, которому они посвящены, но и из других стихов на смерть поэта, то есть стихов того же цикла; чаще всего это, конечно, ближайшие по времени стихи, хотя источники могут быть и более далекими, по времени или в географическом и языковом отношении (Левинтон: 195).

Именно такую модель, по словам А. Долинина, задает само стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина, которое, «с одной стороны, содержит множество пушкинских реминисценций (“Кавказский пленник”, “Евгений Онегин”, “Андрей Шенье”, “Моя родословная”), а с другой — прямо отсылает к отклику на смерть Озерова в послании Жуковского “К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину”» (Долинин).

Стихотворения из рассматриваемого нами раздела подтверждают наблюдения исследователей. Так, например, в стихотворении А. Н. Яхонтова «Памяти Пушкина» есть отсылка к начальным строкам стихотворения Лермонтова, где автор констатирует гибель поэта:

„И свет не пощадил, и рок тебя не спас“
Ты пал с свинцом в груди в неотвратимый час,
В России Пушкина не стало (Каллаш: 163).

Сравним с источником:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!... (Лермонтов: II, 15).

Стоит отметить, что первая строка из текста Яхонтова заимствована из еще одного «надгробного» текста М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» (1839). В современных изданиях она известна в авторском варианте «И свет не пощадил — и бог не спас!» (Лермонтов: II, 53), Яхонтов же использовал строку, исправленную цензурой (которая заменила «бог» на «рок»). Таким образом, у Яхонтова сочетаются отсылки к двум лермонтовским стихотворениям, относящимся к одному сюжетному типу – «смерть поэта».

Н. Гейнце в стихотворении «Памяти А. С. Пушкина» также использует лермонтовские формулы, из которых самая памятная, инициальная, заключена в кавычки как цитата:

*Свинцом бессмысленным на месте
Сраженный в цвете дум и лет,
Он рано пал „невольник чести“...
Погиб безвременно поэт (Каллаш: 187).*

Отсылки к лермонтовскому тексту найдем и у А. Д. Львовой в тексте «Ко дню открытия памятника А. С. Пушкину»:

*Полвека уж прошло с тех пор, как нет поэта
Как пал безвременно он жертвой роковой
Бездушной клеветы испорченного света... (Каллаш: 176).*

Тема оклеветанного поэта, которая заявлена в начале текста Лермонтова встречается в стихотворении «Перед памятником Пушкину» В. Попова:

*И силы темные вступили,
Тобой озлоблены, в союз,
И гнусной клеветой язвили
Тебя, питомец славный муз!
Не вынес ты их оскорблений,
И пал, задавленный толпой;
Ты мертв, но жив твой чудный гений,
Бессмертен ты в стране родной! (Каллаш: 215).*

Кроме лермонтовского мотива клеветы на поэта, в посвящении Попова присутствует и образ толпы, которая «задавила» поэта своими «оскорблениями». Здесь Попов разворачивает и развивает смысл лермонтовской цитаты.

Одним из наиболее частотных мотивов в сюжете «смерти поэта», по словам Г. А. Левинтона, является мотив *венца — тернового и лаврового*, «возникший еще в стихах об Озере и канонизированный Лермонтовым» (Левинтон: 197). Названный мотив пронизывает весь цикл «Смерть поэта» и придает ему особую связность: «И прежний сняв венок — они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» (Лермонтов: II, 16). В стихотворениях 1880 года он также отмечен особым вниманием. Прямая отсылка к нему есть в стихотворении И. Завалишина «Пушкин»:

*Когда Господь сошлет высоких дарований
Луч на избранника, за труд свой воздаяний
От современников он ждет;*

Но тяжкою ценой ему *венок лавровый*
Плетется обществом, которое *терновый*
Венец охотнее плетет! (Каллаш: 217).

Завалишин в этом фрагменте раскрывает смысл лермонтовской цитаты и благодаря синтаксическим и лексическим изменениям приумножает желание общества «*плести терновый венец*». О том, что окружающие причиняли поэту страдания, пишет также и Д. Н. Садовников в своем стихотворении «На открытие памятника Пушкину»:

Но мы любили спорною любовью, —
Давно ль у нас *топтали твой венок?*
Но ты простишь виновному злословью,
Сознанием прекрасного высок, —
Простишь ты нам, что речь тебе родная,
Вплела *шипы в лавровый твой венец* (Каллаш: 179).

Анализ стихотворений 1880 года показывает, что открытие памятника способствовало изменению оценочной нагрузки лермонтовского мотива «двух венцов». Вместо однозначной негативной оценки мы видим почти амбивалентную: «двойной венец» становится символом заслуженной славы и сохраненной чести поэта. Так, например, В. Ракитин в стихотворении «Памяти А. С. Пушкина» убеждает, что усилия уронить достоинство поэта были безрезультатными: «Напрасно силились пигмеи / Сорвать блестящий твой венец. / Им недоступен ты, певец! (Каллаш: 193). В это же время Н. С. Курочкин в посвящении «На открытие памятника Пушкину» пишет, что сейчас самое время вернуть поэту его славу:

Пришла пора воздать его заслугам честь
И *лавры свежие в венок поэта вплесть*,
Чтоб получил он в них за гробом воздаянье,
За тернии в венце его существованья! (Каллаш: 173).

Еще в одном стихотворении «К памятнику Пушкина» поэт под псевдонимом А. Ш. описывает пушкинские торжества, как момент, когда Пушкин «вызвал наконец признательность людей / И лавровый венок России просвещенной» (Каллаш: 206). Наконец, лермонтовский мотив обнаруживается и в стихотворении В. И. Киреевского «Пушкинский праздник». Здесь поэт говорит уже не об одном, а о двух лавровых венцах:

Хвала стране, где песня льется,
Где чтут народного певца!

Тогда звончей ему поется;
Замолк, – и в честь ему совьется
Лавровых, светлых два венца.
Один из них в народе блещет –
Из бронзы вылитый венец:
Народ глядит и рукоплещет.
Другого лист живой трепещет
Средь очарованных сердец (Каллаш: 190-191).

Опираясь на сказанное выше, можно сделать вывод, что мотив *двойного венца, тернового и лаврового*, один из базовых мотивов внутри цикла «Смерть поэта», играет важную роль и в стихотворениях 1880 года, помещенных в сборнике Каллаша. Мотив тернового венца оформляет тему страданий поэта. Смежный с ним мотив лаврового венца выполняет иную функцию: это символ славы, который восходит к античности, когда лаврами венчали триумфаторов. Из этого следует, что *лавровый* и *терновый венцы* диаметрально противоположны. Необходимо добавить, что существует и стилистическая разница между *венцом* и *венком*: *венец* принадлежит к высокой поэзии и имеет библейские коннотации, связывает образ поэта с образом Христа. *Венок* – стилистически более нейтральное слово.

Подводя итог, заметим, что «надгробное» стихотворение Лермонтова 1837 года образует еще один пласт аллюзий, реминисценций и цитат в стихотворениях на открытие памятника Пушкину в 1880 г., — и это позволяет нам рассматривать их в рамках цикла «Смерть поэта», подключив, таким образом, к сверхтексту, к общей «традиции внутри традиции» (Левинтон: 197).

Глава V
Цитатность как основной прием
в поэтических посвящениях Пушкину

I. Образ поэта
в стихотворении Я. П. Полонского «А. С. Пушкин»

Среди стихотворений 1880 года в соответствующем разделе сборника В. Каллаша стихотворение Я. П. Полонского «А. С. Пушкин» выделяется не только благодаря своей поэтике и композиции, но и художественному мастерству автора. Это неудивительно, так как, в отличие от многих других сочинителей, чьи посвящения Пушкину собрал Каллаш в своей книге, Полонский был профессиональным писателем, поэтом и прозаиком.

Литературная деятельность Полонского началась в 1837 году. Это вполне может предполагать особенное отношение Полонского к Пушкину. Критика часто сравнивала стиль Полонского со стилем Лермонтова и Пушкина. Его первые поэтические опыты были одобрены самим Жуковским, а Блок назвал Полонского «последним ярким представителем века» (РП: V, 57). В 1855 году Полонский служил домашним учителем в семье А. О. Смирновой-Россет, где «по целым часам» слушал «ее рассказы о Жуковском, Пушкине, Гоголе, Лермонтове» (Цявловский: 324). Ему, по словам А. А. Голенищева-Кутузова, была свойственна «изумительная отзывчивость на все явления сменявшейся вокруг него народной, общественной и государственной жизни» (Голенищев-Кутузов: 3). Стихотворение «А. С. Пушкин», по нашему мнению, можно считать ярким примером такой поэтической отзывчивости. Это стихотворение было прочитано автором в Москве 6 июня 1880 года, в день открытия памятника Пушкину, на первом заседании Общества любителей российской словесности.

Стихотворение состоит из трех частей, где каждую часть можно соотнести с определенным этапом жизни Пушкина: его становлением как поэта, временем наивысшей славы, финальным этапом биографии — его борьбой и гибелью. Как нам представляет, это стихотворение является своего рода поэтической биографией Пушкина. Оно наполнено отсылками не только к разным произведениям самого поэта, но и к общим местам русской лирики XIX века. Если оценивать текст с точки зрения поэтики, он приближается к центону, где

каждая строка наделяет поэта все новыми характеристиками и качествами, формулировки которых восходят к пушкинским, прежде всего, текстам.

Оценка значения Пушкина представлена уже в первой строке стихотворения Полонского. Ему приписывается создание всей русской литературы: «Пушкин, это – возрожденье / *Русской музыки, воплощенье* / Наших трезвых дум и чувств» (165). В 1864 году П. А. Вяземский в стихотворении «Поминки» уже использовал такое сравнение: «Дельви́г, Пушкин, Баратынский, / *Русской музыки близнецы*» (Вяземский: XII, 139). Далее Полонский продолжает метафорический ряд:

Это – незапечатленный
Ключ поэзии, священный
В светлой области искусств (Каллаш: 165).

Автор отсылает читателей к поэтическому топосу, берущему начало в греческой мифологии. Это известный сюжет о Кастальском источнике, который дарил вдохновение поэтам и музыкантам. Полонский сравнивает Пушкина с этим священным родником, из которого поэт черпает пророческую силу и вдохновение. Полонский продолжает описывать Пушкина и переходит к прямым цитатам из произведений поэта:

Это голос немезиды,
Это – девы Эвмениды
Окровавленный кинжал (Каллаш: 166).

Здесь Полонский использует строки из стихотворения 1825 года «Андрей Шенье», сравнивая Пушкина с богинями, которые олицетворяют возмездие и мщение за оскорбленных. Согласно Полонскому, поэзия Пушкина – это орудие справедливой мести, голос поэта открывает правду – так, как делал это Шенье в стихотворении Пушкина:

Ты звал на них, ты славил *Немезиду*;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду! (Пушкин: II, 401).

Далее Полонский вспоминает знаменитую поэму Пушкина 1817-1820 гг. «Руслан и Людмила»:

Это – веще́го баяна
Струнный говор, свист Руслана
И русалок голоса... (Каллаш: 166).

Сравним с источником: «И голос *вещего Баяна*, / Певца героев и забав» (Пушкин: IV, 73). Примечательно, что автор в этой части стихотворения вместо имени поэта использует указательное местоимение «это» в качестве анафоры (одиннадцать раз). Анафорические повторы, сочетающиеся с параллелизмами, подчеркивают разносторонность поэта, а употребление разнообразных пушкинских цитат демонстрирует способность адресата к радикальной и неожиданной изменчивости. Как отметил в специально посвященной пушкинскому «протеизму» статье А. Н. Песков: «Пушкин — Протей более, чем Гете. Он способен бесконечно менять свой облик и полностью растворяться в том, о чем пишет» (Песков: 235). Полонский продолжает:

Это – арфа серафима,
В час, когда душа палима
Жаждой веры в небеса (Каллаш: 166)

заимствуя образ и формулу из пушкинского стихотворения 1830 г. «В часы забав иль праздной скуки...»:

Твоим огнем *душа палима*
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет *арфе серафима*
В священном ужасе поэт (Пушкин: III, 212).

Полонский упоминает и о детстве поэта, с которым ассоциируется няня Пушкина, Арина Родионовна. Согласно мысли Полонского, поэзия Пушкина нам, читателям, так же близка, как сказки, которые рассказывала няня поэту, и так же любима:

Это – старой няни сказка,
Это – молодости ласка,
Огонек в степной глуши... (Каллаш: 166)

Заканчивая первую часть, Полонский заимствует фрагмент из стихотворения Пушкина 1833 г. «Когда б не смутное влеченье...»:

Это – слезы умиленья...
Это – смутное влеченье
Вечно жаждущей души... (Там же)

Сравним с пушкинским источником:

Когда б не *смутное влеченье*
Чего-то *жаждущей души*
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши... (Пушкин: III, 316).

Первая и вторая строки во второй части стихотворения Полонского показывают читателю разного Пушкина: «Свой в столицах, на пирушке / В сакле, в таборе, в лачужке» (Каллаш: 166). Здесь прослеживается пушкинская поэтическая топография – название топоса становится отсылкой, к соответственно, поэмам «Кавказский пленник» и «Цыганы» и к стихотворению, обращенному к няне, «Зимний вечер». Кроме того, в первой строке мы видим отсылку к биографии самого поэта, так как Пушкин жил в обеих российских столицах: в Москве и Петербурге. Характерны для поэзии XIX века были и дружеские послания от поэта к поэту, где часто упоминались веселые пиры в тесном кругу друзей. Примечательно, что первая строка противопоставляется второй по принципу масштаба и статуса (*столица – лачужка*), а также по принципу *свое – чужое*: экзотические для русского культурного сознания *сакля* и *табор* противопоставляются русской ветхой *лачужке*. Эти строки становятся еще одной иллюстрацией к тезису о всеотзывчивости поэта, о многосторонности его творческого дарования. Еще писал, что «самая его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье <...>. Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью <...>. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев <...> Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами» (Гоголь: 50-51). По словам А. Н. Пескова, «протеизм Пушкина — залог отзывчивости не только всемирной, но и национальной» (Песков: 236).

Развивая тему «всеотзывчивости» Пушкина, Полонский описывает, что слышит, видит и знает Пушкин. В следующем фрагменте он обращается к разным текстам:

Слышит друга голос дальний –
Песню Грузии печальной,
Бред цыганки кочевой...

Полонский отсылает читателя сразу к нескольким пушкинским стихотворениям: «Не пой, красавица, при мне...» 1828 г. («Не пой, красавица, при мне / Ты *песен Грузии печальной*» — Пушкин: III, 109), «Княгине З. А. Волконской» 1827 г. («Как мимоездом Каталани / *Цыганке* внемлет *кочевой*» — Пушкин: III, 54). Полонский продолжает:

Слышит крик орла призывный,
Слышит ропот заунывный
Океана в бурной мгле.

Эта рифма отсылает к стихотворению «К морю» 1824 г.:

Как друга *ропот заунывный*,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз (Пушкин: II, 331).

Кроме того, фрагмент обнаруживает мотивные схождения со стихотворением «Пророк» 1828 г.:

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье (Пушкин: III, 30).

Отсылка к «Пророку» здесь прослеживается не на уровне лексики или рифмы, а на мотивном, как было указано выше: поэт у Полонского так же вслушивается в разнообразные звуки природы, чувствительность к ним становится индикатором пророческой и поэтической чуткости. Кроме уже названных, есть отсылка к стихотворению 1825 г. «Буря»: «Прекрасно море в бурной мгле» (Пушкин: II, 443).

Автор продолжает играть со строками этого стихотворения, его Пушкин:

Видит небо без лазури
И, что краше волн и бури, —
Видит деву на скале... (166).

Сравним с источником:

И *небо* в блесках *без лазури*;
Но верь мне: *дева на скале*
Прекрасней *волн*, небес и *бури* (Пушкин: II, 443).

Полонский продолжает:

Знает горе нам родное,
И разгулье удалое,
И сердечную тоску...
Но не падает усталый
И как путник запоздалый,
Сам стучится к мужику (Каллаш: 166).

Эти строки отсылают читателей Полонского к известным стихотворениям Пушкина «Зимняя дорога»: «*То разгулье удалое, / То сердечная тоска...*» (Пушкин: III, 42); и «Зимний вечер»: «*То, как путник запоздалый, / К нам в окошко застучит*» (Пушкин: II, 439)². Заканчивается вторая часть реминисценциями пушкинских сказок, поэмы «Руслан и Людмила», а также предположительной цитатой из поэмы А. Н. Майкова «Сны» 1855 г.: «Но в детском лепете был слышен правды глас» (Майков: 464):

Ничего не презирая,
В дымных избах изучая
Дух и склад родной страны,
Чуя русской жизни трепет,
Пушкин – правды первый лепет,
Первый проблеск старины...

В третьей части стихотворения автор вновь использует прием, использованный в первой части. Она строится как сплошное перечисление, состоящее из однотипных указательных конструкций «Пушкин – это... », включающих в качестве сказуемого чаще всего цитатные фрагменты из пушкинских текстов:

Пушкин – это эхо славы
От Кавказа до Варшавы,
От Невы до всех морей (Каллаш: 167).

Кавказ напоминает о ссылке Пушкина и о его творчестве «южного» периода, а Варшава, столица Польши, – о восстании 1831 года и о пушкинском поэтическом отклике на него. Благодаря «географической фанфаронаде» («от... до...») подключается и имперская тема (важная для ряда пушкинских текстов 30-х годов). Более того, Нева здесь является метонимией Петербурга – пушкинского города. Сравним с пушкинским стихотворением 1831 г. «Клеветникам России», где мы находим сходную одическую конструкцию, своего рода поэтическую карту, которая представляет большое пространство:

Иль мало нас? Или *от* Перми *до* Тавриды,
От финских хладных скал *до* пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая (Пушкин: III, 270).

² Появление *мужика* в сочетании с мотивом ночного стука в окно может также рассматриваться, как отсылка к балладе «Утопленник». Однако в этом случае мы затрудняемся интерпретировать смысл отсылки, представляющей Пушкина в образе «страшного мертвеца». Возможно, совпадение не было преднамеренным.

Полонский продолжает следовать описанной конструкции:

Это – сеятель пустынный,
Друг свободы, неповинный
В лжи и злобе наших дней.
Это – гений, все любивший,
Все в самом себе вместивший —
Север, Запад и Восток... (Каллаш: 167).

Автор представляет Пушкина через его собственное творчество и заимствует строки из стихотворения 1823 г. «Свободы сеятель пустынный...», намекает на современные общественные и политические обстоятельства. Описывая Пушкина-поэта, Полонский переадресовывает ему его собственную формулу с измененным значением, чтобы затем опять вернуться к образу «поэта-пророка»: «Это – тот „ничтожный мира“, / Что, когда бряцала лира, / Жег сердца нам, как пророк» (Там же). Закавыченная фраза является прямой отсылкой к стихотворению 1827 г. «Поэт»: «И меж детей *ничтожных мира*, / Быть может, всех *ничтожней* он» (Пушкин: III, 65), а третья строка в приведенной цитате апеллирует к «Пророку» с его финальным императивом «Глаголом жги сердца людей».

Тема «лиры» у Пушкина нашла отражение не только в стихотворении «Поэт и толпа» 1828 г.: «Поэт по *лире* вдохновенной / Рукой рассеянной *бряцал*» (Пушкин: III, 141). Лира – это распространенный поэтизм в лирической традиции XIX века, чаще всего это была метафоры или аллегория. Лира выступает как инструмент для музыкального сопровождения песен и стихотворений, как атрибут поэта и певца, является источником вдохновения, а также его символом. Ср., например, у Пушкина в «Клеопатре»: «... Гремели хором / Певцы при звуке флейт и *лир*» (Пушкин: III, 130); в послании «Мордвинову»: «Ты *лиру* оправдал, ты ввек не изменил / Надеждам вещего пиита» (Пушкин: III, 46); а также в стихотворении «Все в жертву памяти твоей...»: «Все в жертву памяти твоей: / И голос *лиры* вдохновенной...» (Пушкин: II, 433).

Полонский уделяет особое внимание дуэли и гибели поэта, которые вызвали в 1837 году неоднозначную реакцию в обществе. Он явно отсылает к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», воспроизводя мотивы и образы, которые стали частью «канонического» описания «смерти поэта» благодаря лермонтовскому тексту:

Это – враг гордыни праздной,
В *жертву* сплетни неотвязной
Светом *преданный*, – враждой,
Словно *тернием*, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой... (Каллаш: 167).

В стихотворении Полонского 1880 года Пушкин – жертва сплетен, преданный и оскорбленный толпой и убитый преступной рукой. Такие повторяющиеся мотивы присущи не только разбираемому стихотворению, но большинству поэтических сочинений, так или иначе затрагивающих тему пушкинской смерти.

В финале стихотворения Полонский практически отождествляет Пушкина с целой страной, Россией, а также соотносит его образ с образом Христа, так как Мессия – это вестник спасения. Такое сравнение придает поэту величественности, указывает на авторскую оценку его значимости для русского народа и развития русского языка:

Поэтический *Мессия*
На Руси, он, как Россия –
Всеобъемлющ и велик...
Ныне мы поэта славим –
И на пьедестале ставим
Прославляющий нас лик... (Там же).

Последние строки стихотворения возвращают читателя к событию, которое дало повод для его написания, и замыкают сюжет: в них говорится о том, что увековеченная память поэта, «лик на пьедестале», будет прославлять не только самого Пушкина, но и русский народ в целом.

В заключение стоит сказать, что Полонский в своем стихотворном посвящении не только чествовал Пушкина как гениального поэта, но и призывал публику вернуться к настоящей поэзии, к «чистому искусству», которое во второй половине XIX века утратило свои лидирующие позиции. Как мы старались показать, Полонский умело подбирает пушкинские цитаты и конструирует с их помощью образ поэта, что, безусловно, работало на укрепление пушкинского мифа. Главной чертой Пушкина, отмеченной Полонским, является «всеотзывчивость», о которой говорили многие русские критики и писатели. Напомним высказывание Белинского о Пушкине: «Одаренный высоким

поэтическим чувством и удивительною способностью принимать и отражать все возможные ощущения, он перепробовал все тоны, все лады, все аккорды своего века» (Белинский: 67).

II. Пушкинские цитаты в других стихотворениях раздела

В разделе 1880 года можно выделить целую группу стихотворений, поэтику которых характеризует, главным образом, массированное использование отсылок к текстам Пушкина. В поэтическом отношении эти отклики «Ко дню открытия памятника А. С. Пушкину» А. Д. Львовой (Шидловской), «Памяти Пушкина» О. Пономаревой, «На открытие памятника Пушкину» А. О. Иванова-Классика, «К памятнику Пушкина» А. Ш...ъ стоят ниже стихотворения Я. П. Полонского. Они представляют собой почти чистое перечисление пушкинских героев и названий его сочинений. Наиболее яркий пример такого текста представляет стихотворение А. Д. Львовой. С. С. Ванеян, автор статьи о Львовой в биографическом словаре «Русские писатели», отметил, что большую часть литературной продукции поэтессы составляли «отклики на факты жизни и явления литературы» (РП: III, 426). Поэтическое посвящение Львовой Пушкину, таким образом, находится в основном русле ее творчества и будет с этой точки зрения представлять определенный интерес для анализа и интерпретации.

Стихотворение Львовой начинается цитатой из пушкинского «Памятника»: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа» (Каллаш: 176), которую использовали многие поэты, писавшие об открытии памятника Пушкину в 1880 году. Эта цитата задает общую тему стихотворения, в контексте которого она предстает своего рода прогнозом, спустя 44 года все-таки исполнившимся. Другой пример текста, который прямо заявляет о том, что предсказание сбылось, мы видим у А. Ш...ъ:

Пророчески сбылось твое сказанье,
Народный, славный наш поэт!
Твой гений и твое сознанье
В народе русском не умрет (Каллаш: 205).

Стихотворение Львовой продолжается экскурсом в биографию поэта, описанием драматических отношений Пушкина с современниками:

Когда вокруг него завистников толпа
Плоды высоких дум бессмысленно топтала,
И с злобою тупой их славу отвергала (Каллаш: 176).

В приведенном фрагменте Львова представляет последние годы жизни Пушкина как годы трагического одиночества и преследований его завистниками. Затем

поэтесса говорит о гибели поэта, в этом фрагменте находятся и отсылки к лермонтовскому тексту:

Полвека уж прошло с тех пор, как нет поэта.
Как пал безвременно он жертвой роковой
Бездушной клеветы испорченного света... (Там же).

Развитый далее в тексте Львовой мотив поэтического бессмертия отсылает снова к первым строкам, построенным на пушкинской цитате:

Но имя Пушкина века переживет:
Из песен чудных он сплетал *венец бессмертья*.
И свято тот венец *потомство бережет*.

Сходные отсылки к поэтическому комплексу «памятника» встречаются в стихотворениях 1880 года часто, что объясняется тематической общностью текстов. Ср., например, в стихотворении О. Пономаревой:

Пусть будет же Пушкин *бессмертен в отчизне*,
Пусть *вечно потомство оценит* его,
Как ныне вся Русь рукоплещет на тризне, —
Пусть чтит она память творца своего (Каллаш: 186).

Львова, констатируя «исполнение» пушкинского пророчества, обращается к его творениям, представляя их развернутое описание как мотивировку поэтического бессмертия. В приведенном ниже фрагменте Пушкин становится своего рода национальным культурным героем:

Орлом он с высоты взирал на всю природу,
Он Русь свою постиг, преданья старины
Народным языком рассказывал народу,
А модным барыням – влюбленный девицы сны (Там же).

Пушкин у Львовой проживает жизнь своих персонажей, знает и понимает их. Именно этот фрагмент насыщен отсылками к пушкинским текстам. Львова составляет длинное перечисление того, что чувствует поэт вместе со своими персонажами:

Он мыслью пережил все страсти и волненья:
Великого Петра великие мечты,
Отрепьева обман, Мазепы преступленья,
Жуана тщетное исканье красоты;
Мученья адские Бориса Годунова,
Сальери ненависть, Онегина любовь,
Над грудой золота терзания Скупого,
Цыгана дикого разнузданную кровь!

Он все прочувствовал, во все он вник душою:
С Кавказским Пленником томился и скучал,
С черкешенкой он плакал молодою,
С своей Зюлейкою безумно ревновал;
С безумцем бредил он, грозясь и проклиная,
Пред Медным Всадником, над бешеной рекой;
С Татьяной томною, мечтательно вздыхая,
Признание писал дрожащею рукой (Каллаш: 177).

Нужно заметить некоторые неточности, которые присутствуют в этом фрагменте. Первое, что бросается в глаза – «*Жуана* тщетное исканье красоты», где Львова ошибается в передаче имени главного героя «Каменного гостя»: его звали не Жуан, а Гуан (см. замечание С. М. Бонди: «Пушкин, очевидно, стремился передать имя своего героя не на французский лад, а ближе к испанскому произношению (Don Juan). Поэтому он называет его не Жуаном, а Гуаном (с придыхательным “г”») — Бонди: IV, 579). Вторая неточность, более существенная, обнаруживается в строке: «С своей *Зюлейкою* безумно ревновал». Зюлейка — героиня не пушкинского произведения, а «турецкой повести» Байрона «Абидосская Невеста». Скорее всего, это ошибка памяти Львовой, которая объясняется определенным сходством пушкинских поэм южного периода с байроновскими, ведь именно творчество Байрона Пушкин тогда представлял самым значительным для себя литературным ориентиром.

Далее Львова разворачивает тему бессмертия поэта в тавтологической конструкции: «Он обессмертил все бессмертными стихами» (Там же). От перечисления пушкинских героев она переходит к перечислению пушкинских поэтических локусов:

Украинскую ночь, державную Неву,
И Бессарабию с зелеными степями,
И моря южного густую синеву;
Природу скудной деревушки,
Убогость бедных юрт и внутренность шатра,
И келью скромную, и рассказы старушки,
С которой проводил вдвоем он вечера (Каллаш: 177).

Здесь Львова, подобно Полонскому, демонстрирует «всеотзывчивость» Пушкина, который в своих стихах изобразил «всю Россию». Другую сторону этой отзывчивости, точнее сказать – «протеизм» Пушкина, способного к постоянной трансформации, показывает в своем стихотворении Пономарева. Она описывает

универсальную изменчивость пушкинского стиха, что тоже связано с уникальной чуткостью поэта:

И всем он доступен; спокойно и ясно
Мечты его льются блестящей струей, —
То нежно, то грустно, насмешливо, страстно;
То стих его весел, то брызжет слезой (Каллаш: 185).

Свое стихотворение Львова заканчивает описанием современности, то есть говорит о празднике 1880 года:

Пусть тень твоя летит на праздник повсеместный,
Пусть гения крыло коснется наших лир!
И хоть ничтожен гимн, что смел поэт безвестный
Принести, как слабый дар, на твой великий пир,
Но чувство общее любви и восхищенья
Старался он тебе с любовью передать...
Прими ж его, прими с улыбкой снисхожденья,
И лаврами дозвошь чело твое венчать! (Каллаш: 178).

Этот фрагмент, по нашему мнению, может считаться иллюстрацией приводимого ниже заключения М. В. Строганова, что в массовой поэзии путь Пушкина предстает как «усыпанный розами и лаврами от начала до конца» (Строганов: 88), — хотя стихотворение Львова описывает посмертную судьбу поэта. Идеализация распространяется и на самого поэта, в частности. Стихотворение заканчивается на хвалебной ноте: Львова уверена, что в будущем творчество Пушкина будет вдохновлять других поэтов на создание шедевров.

Вернемся теперь к важнейшей черте поэтики стихотворений этой группы — многократному использованию отсылок к пушкинским текстам. Здесь наиболее интересен для исследователя будет репертуар процитированных, упомянутых или еще каким-либо образом использованных текстов Пушкина — то есть, некий очень локальный «канон». По Строганову, этот репертуар будет представлять своего рода выпрямление творческого пути Пушкина (Строганов: 89) за счет упоминаний его героев и произведений. При этом он явится довольно точным творческим портретом Пушкина в культурном сознании эпохи. Из целостного наследия отбираются (критерии отбора могут быть различными) наиболее «характерные» с точки зрения реципиентов произведения, и этим произведениям приписываются все возможные совершенства. Чем чаще упоминается какое-либо произведение, тем глубже оно укоренено в массовом

сознании. Итоговый список будет небольшим, что вполне соответствует механизму формирования литературного канона. Среди пушкинских произведений в стихотворениях 1880 года чаще прочих упоминаются «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и «Полтава». Теперь сравним то, каким образом функционируют интертекстуальные связи в интересующих нас текстах. Так, например у А. Ш...ь названы несколько героев первой знаменитой поэмы Пушкина:

Мир сказочный и мир волшебный,
Где и Людмила, и Руслан,
И Черномор, как дух враждебный
Нам обрисован, как роман (Каллаш: 206).

Поэма также упоминается и у Иванова-Классика:

И в песнях дивного Руслана,
Живой фантазии цветы (Каллаш: 203).

Произведения с экзотической тематикой, связанные с Грузией и Кавказом, чаще всего перечисляются у авторов одно за другим и составляют единый ряд отсылок. Перечислительные конструкции «и это, и то» использует, например, Иванов-Классик:

От юных дней, для чувств и глаза
Всплывали в прелести живой
Громады дикого Кавказа,
И Грузии палящий зной,
И плеск волны, и шум дубравы,
И сын цыганского шатра,
Гиреев власть и бой Полтавы,
И образ мощного Петра (Каллаш: 204).

Сходным образом А. Ш...ь представляет при помощи перечисления, как Пушкин раскрывал перед читателем особенности разных народов, их традиции, а также рисовал экзотические пейзажи. Здесь имеются отсылки к «Полтаве» и к «Бахчисарайскому фонтану»:

Ревнуя вековою славой
Ты выразил своим пером
Погибель Карла под Полтавой
В борьбе отчаянной с Петром (Там же);

Неподражаемо правдиво

Ты передал нам тип цыган
И поэтически игриво
Изобразил их дикий стан.
Страну востока посещая,
Природы чудный уголок,
Вписал фонтан Бахчисарая
В свой поэтический листок (Каллаш: 206).

Схожую конструкцию использовал и А. К. в стихотворении «Перед памятником А. С. Пушкина»: перед памятником «витают» пушкинские «творения», а затем поэт (А.К.) слышит «песнопения», отзывающиеся мотивами из пушкинских произведений. Автор этого стихотворения отсылает к произведениям Пушкина, не называя их прямо, но обозначает топоры из них (весна, гроза):

Стою пред образом твоим,
И светлый рой твоих творений
Кругом витает и пред ним
Я слышу звуки песнопений
Поет весна, гремит гроза,
Поет Кавказ и Север дальний,
Украины слышится слеза,
И песня Грузии печальной (Каллаш: 192).

Несколько раз в стихотворениях этой группы встречаются отсылки к поэме «Полтава», которая описывает Полтавскую битву 1709 года, одно из ключевых событий петровского времени, важное для имперской мифологии (выше мы уже указали на такую отсылку у А. Ш...ь). Более того, упоминая Петра Великого, некоторые авторы даже сравнивают самого Пушкина с ним, основанием для сравнения становится общая для поэта и императора тяга к открытию нового. Пушкин предстает как новатор в области поэтического слова, например, у Иванова-Классика:

Как Петр для нас рукой державной
В Европу прорубил окно,
Так Пушкин твой родному слову
Мог указать в грядущем свет
И положить ему основу
На честь и славу многих лет (Каллаш: 203).

В каждом стихотворении выделенной нами группы есть отсылки к роману в стихах «Евгению Онегину» и драме «Борис Годунов». Таким образом, мы можем дополнить наблюдение М. В. Строганова, который отметил, что эти

пушкинские произведения практически не упоминаются в стихах на смерть Пушкина (Строганов: 89). То есть, в последние годы жизни Пушкина и сразу после его смерти «Онегин» и «Годунов» не входили в авторский канон. Более того, как отмечает ученый, тогда «Пушкин в сознании читателей не выходил за пределы 1820-х гг.» (Строганов: 89). Появление же к началу 1880-х романа в стихах и трагедии среди самых часто упоминаемых текстов говорит о том, что пушкинский канон к этому времени пережил значительную эволюцию. С 1837 года прошло более 40 лет, в течение этих десятилетий отношение как к поэту, так и к его творчеству менялось³, и теперь эти произведения, как и другие, были переосмыслены и вошли в пушкинский канон.

Рассмотрим теперь поэтические тексты 1880 года, в которых присутствуют отсылки к «Онегину» и «Годунову». Так, например, у Иванова-Классика герои романа и драмы помещены неподалеку друг от друга:

Кому от сердца далеки
Его Онегин и Татьяна, <...>
И былъ Бориса Годунова
И воплощения мечты
В созвучьях пламенного слова (Каллаш: 203-204).

Здесь автор говорит, что герои пушкинских произведений близки абсолютно всем, что является еще одним подтверждением общераспространенности представления о Пушкине как идеале поэта. Сравним с фрагментом стихотворения А. Ш...ъ:

Онегин твой, твоя Татьяна,
То грустный, то живой рассказ
Из жизни барства и проказ –
Блестящий образец романа (Каллаш: 206),

в котором автор дает высокую оценку «Евгению Онегину» и утверждает, что именно таким и должен быть роман. Особо выделяет оба пушкинских текста О. Пономарева, их поэтесса считает вершинами творчества поэта:

Воскресли пред Русью поэта творенья:
Зарема, Мазепа, Руслан, Пугачев –
И лучшие силы его вдохновенья:
Евгений Онегин, Борис Годунов (Каллаш: 185).

³ Вырос также и объем знаний о поэте – тут можно указать на появление во второй половине 1850-х годов нового издания сочинений Пушкина, которое способствовало рождению российской пушкинистики и литературоведения в целом.

Подводя итог, нужно заметить, что для авторов стихотворений, посвященных открытию пушкинского памятника, важна не только историческая справедливость, которая свершилась, но также и оценка творческого пути Пушкина. Широкий набор отсылок к пушкинским текстам демонстрирует, как формировался пушкинский канон в течение XIX века. Стихи на смерть Пушкина 1837 года и посвящения 1880 года являются разными ступенями мифологизации поэта. Как мы увидели, к 1880 году перечень «канонических» произведений Пушкина стал шире, к мифу о гениальном поэте-протее добавились новые оттенки.

Заключение

В нашей работе мы рассмотрели стихотворения одного раздела из сборника В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине», вышедшего в Москве в 1899 году. Этот сборник стал результатом многолетней собирательской работы В. Каллаша, литератора, журналиста и историка литературы. Кроме этой книги, он также подготовил и выпустил два тома *Pushkiniana*. Мы ознакомились с историей создания сборника, – с разделами, которые в нем выделены, а также с мотивами, которыми руководствовался В. Каллаш, когда собирал эти стихотворения.

Поскольку сборник весьма объемён (в нём представлено восемь отделов), мы не ставили себе задачей полный его анализ — это задача для более масштабного исследования. В настоящей работе подробно рассмотрен только четвертый отдел, в котором помещены стихотворения на открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 году. На наш взгляд, этот материал ярко иллюстрирует сложившийся миф о Пушкине как «народном певце и гении». При этом мы рассмотрели только основные темы и мотивы, проходящие через большинство стихотворений в этом разделе. Именно повторение тем и мотивов, появляющихся в текстах разных речевых жанров в связи с именем писателя, является показателем сложившегося представления о нём, о его биографии и творчестве — культурного мифа. В настоящей работе нас интересовали, прежде всего, сюжеты и мотивы, связанные с памятником Пушкину, а также со смертью поэта. Конечно, они составляют лишь малую часть того, что входит в так называемый *Пушкинский миф*.

Как было оговорено во введении, мы не выделяли в работе специальной историографической части, так как до сих пор исследований, посвящённых сборникам В. Каллаша, их истории и анализу, насколько нам известно, не существует. Но благодаря статьям М. Н. Виролайнен, О. С. Муравьевой, Г. А. Левинтона и А. А. Долинина мы могли составить представление о пушкинском мифе и, основываясь на их наблюдениях и выводах, приступили к анализу стихотворений 1880 года в сборнике «Русские поэты о Пушкине». Нас интересовало то, как поэты конца XIX века конструируют отклики на открытие памятника поэту, а также то, как они используют цитаты и отсылки к его произведениям разных жанров (т. е. пушкинский интертекст).

В нашей работе мы кратко описали пушкинские торжества в честь открытия памятника в Москве в 1880 году. Благодаря книге Ч. М. Левитта «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 г.» мы получили представление об историческом фоне рассматриваемых стихотворений, она стала основой для подробного изучения посвящений 1880 года.

Прежде всего, мы обратились к стихотворениям, в которых использованы цитаты и реминисценции из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Вполне закономерно, что цитат и реминисценций из него было больше, чем из других текстов. Стихотворения из раздела 1880 года были преимущественно «стихотворениями на случай», то есть были посвящены открытию первого памятника поэту, событию, ставшим важной вехой в развитии пушкинского мифа в России. Именно поэтому сюжет и мотивы пушкинского «поэтического завещания» стали материалом для поэтических посвящений Пушкину. Актуализировалась тема памяти, это явилось еще одним стимулом для использования пушкинского стихотворения в качестве источника формул и мотивов. Таким образом, для описания посмертной судьбы Пушкина в русской поэзии последовательно использовались собственные тексты поэта, в которых видели своего рода предсказание этой самой судьбы. Такая особенность представляется нам важной чертой пушкинского мифа.

Отдельную главу мы посвятили стихотворениям, в которых присутствуют цитаты и реминисценции из «Смерти поэта» М. Ю. Лермонтова. Как и можно было предполагать, именно это стихотворение, задающее традицию поэтического изображения пушкинской смерти, стало одним из главных источников цитат и реминисценций для стихотворений 1880 года. Наши наблюдения, таким образом, еще раз подтверждают концепцию Г. А. Левинтона, который описал лермонтовское стихотворение как ядро будущего единого цикла «Смерть поэта».

Последняя большая глава представляет анализ стихотворений, важнейшей чертой поэтики которых является массивное использование отсылок к пушкинским текстам. В отдельном параграфе мы разобрали стихотворение Я. П. Полонского «А. С. Пушкин», в котором автор конструирует целую творческую биографию поэта. Следующий параграф содержит анализ других стихотворений из раздела, сходных с «А. С. Пушкин» по основному приему, однако уступающих ему в поэтическом отношении.

Наша работа не претендует на исчерпание материала. Поскольку и пушкинский миф и условный цикл «Смерть поэта» изучены не до конца, дальнейшее исследование посвященных Пушкину поэтических текстов открывает широкие перспективы. В настоящей работе мы не ставили себе целью исследовать цитатный пласт в разделе «1880 год» полностью. Очевидно, что в стихотворениях могут быть следы воздействия других знаменитых поэтов, кроме Пушкина и Лермонтова, тут следует искать и другие интертекстуальные связи с текстами Пушкинской эпохи. Интересно также было бы рассмотреть более подробно эти стихотворения с точки зрения стихосложения, так как возможно «цитирование» определенных поэтических размеров, обладающих своим семантическим ореолом, и обращение к ним поэтов-дилетантов тоже можно будет рассмотреть как случай поэтического взаимодействия. В связи с этим следует глубже рассмотреть и рифму, рифменные конструкции, которые задают определенный сюжет текста. Предварительно можем предположить, что в стихотворениях, так или иначе обращенных к Пушкину, может быть значительное количество рифм, характерных для поэзии 1820-30-х годов, то есть поэзии «пушкинской эпохи». Рифмы здесь могут рассматриваться как компонент «пушкинского» поэтического языка, который конструировали позднейшие поэты в обращениях к Пушкину. Наконец, одной из главных перспектив в исследовании является изучение сборника «Русские поэты о Пушкине» в целом.

Подводя итог всему сказанному выше, можно заключить, что четвертый раздел сборника Каллаша является еще одной ступенью в развитии пушкинского мифа. Он отражает его состояние в определенный исторический момент, характеризует эволюцию представлений о Пушкине. Более того, этот материал также входит в большой комплекс откликов на смерть поэта. Возвращаясь к статье Г. А. Левинтона, хочется добавить, что ««Смерть поэта» — это не только поэтическая традиция, но и собственно история поэзии и ее восприятия» (Левинтон: 196). Таким образом, мы можем справедливо заключить, что открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 году и поэтические отклики на это событие стали еще одной важной составляющей в масштабной системе под названием *Пушкинский миф*.

Список использованной литературы

- Каллаш — *Каллаш В.* Русские поэты о Пушкине: Сб. стих. М., 1899.
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Л., 1937-1959.
- Бонди — *Бонди С. М.* [Примечания] // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1959-1962. Т. 4.
- Лермонтов — *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 5 т. Л., 1935-1937. Т. 2.
- Майков — *Майков А. Н.* Собрание сочинений: В 2 т. М., 1984. Т. 2.
- Вяземский — *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1878-1896.
- Державин — *Державин Г. Р.* Полное собрание стихотворений. Л., 1957.
- Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л., 1988-1996. Т. 14.
- Шмидт — *Шмидт С. О.* Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // После 75: Работы 1997-2001 годов. М., 2012.
- Левитт — *Левитт М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 г. СПб., 1994.
- Цявловский — *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.
- Голенищев-Кутузов — *Голенищев-Кутузов А. А.* Памяти Я. П. Полонского. Речь в публичном заседании АН 29 дек. 1898 г. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1899.
- Белинский — *Белинский В. Г.* Литературные мечтания 1834 г. // Взгляд на русскую литературу М., 1981.
- Гоголь — *Гоголь Н. В.* Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1937-1952. Т. 8.
- Виротайнен — *Виротайнен М. Н.* Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 329-349.
- Муравьева — *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды о мифы о Пушкине: Сб. ст. СПб., 1995. С. 113-133.

Строганов — *Строганов М. В.* Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин, 1989. С. 87-101.

Левинтон — *Левинтон Г. А.* Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб., 1998. С. 190-215.

Долинин — *Долинин А.* Цикл «Смерть поэта» и «29 января 1837» Тютчева // Toronto Slavic Quarterly; Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2006. № 15. <http://www.utoronto.ca/tsq/15/dolinin15.shtml> (24.05.2014)

РП — Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. I-V. М., 1990– .

Словарь псевдонимов — *И. Ф. Масанов* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1-4. М., 1956-1960.

Kokkuvõte

1880. aasta luuletused V. Kallaši kogumikus „Vene poeedid Puškinist“

Käesolevas töös käsitletakse kogumiku „Vene luuletajad Puškinist“ ühte osa. Kogumik oli koostatud kirjandusteadlase ning bibliograafi V.Kallaši poolt ning ilmus 1899. aastal Moskvast. Raamatusse olid koondatud Puškinile pühendatud luuletused, mis loodi nii luuletaja elu jooksul kui ka pärast tema surma. Kuna kogumik on suuremahuline (koosneb kaheksast osast), siis kontsentreerime ainult ühe, neljanda osa materjalile. Selles osas paiknevad 1880. aasta luuletused, mis on pühendatud Puškini monumendi avamisele Moskvast. Meie arvates iseloomustavad antud tekstid väga hästi Puškini müüti, mis kujunes välja 19. saj lõpul.

Töös lähtutakse mitmest uurimissuunast. Esimene suund oli valitud uuritava kogumiku ühtse temaatika tõttu, mida iseäranis esindavad analüüsitava neljanda osa luuletustes tsitaadid ja reministsentsid Puškini luuletusest „Exegi monumentum“. Tsitaatide analüüsile on pühendatud bakalaureusetöö esimene peatükk. Mainitud luuletuse motiivid kujundavad mälestuse teema 1880. aastate luuletustes.

Teine bakalaureusetöös esindatud suund on seotud Lermontovi luuletusest „Poeedi surm“ pärit tsitaatide ning reministsentside eristamisega analüüsitavates tekstides. Tegemist on 1837.a. luuletusega, mis määras ära tulevase teema „poeedi surm“ arengu vene luuletraditsioonis. Vastavate tsitaatide kihistust meid huvitavates tekstides on kirjeldatud töö teises peatükis. Autori tähelepanekud võimaldasid täiendada uue materjaliga G.A. Levintoni kontseptsiooni, mida kirjandusteadlane esitas artiklis „Luuletaja surm: Jossif Brodski.“ 1887. aasta luuletused V.Kallaši kogumikust sulanduvad üsna seaduspäraselt tsüklisse „luuletaja surm“ vene luules.

Kolmanda uurimissuuna raames käsitletakse tsitaatide kihti mitmetest Puškini teostest Kallaši kogumikus. Sagedane Puškini tekstide tsiteerimine aktualiseerib nii luuletaja loomingut kui ka tema enda isiksust massiteadvuses. See paneb lugejaid uuesti ümber hindama Puškini isiksust ning tema panust vene kirjandusse. Kolmas peatükk koosneb kahest osast, millest esimeses on analüüsitud J. P. Polonski luuletust "A. S. Puškin", teises osas aga mõningaid teisi tekste, milles eristuvad arvukad tsitaadid ja reministsentsid Puškini loomingust.

Käesolev töö kujutab endast ette vaid suurema uurimuse algust. Edaspidi on autoril plaanis laiendada analüüsi ning kaasata ka teisi tekste V. Kallaši kogumikust, käsitleda teisi Puškini ajastu intertekste, analüüsida luuletuste meetrumit ning riimi

repertuaari. Vastavalt esmasele hüpoteesile, aitab see kõik laiendada ettekujutust Puškini müüdi kujunemisest 19. saj ja selle arengut 20.saj vene kultuuris.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Marija Kozlova _____
(*autori nimi*)

(isikukood: 49206122518 _____)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose 1880. aasta luuletused V. Kallaše kogumikus „Vene poeedid Puskini kohta“ _____,
(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on
TatjanaStepaništševa _____,
(*juhendaja nimi*)

- 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus/Tallinnas/Narvas/Pärnus/Viljandis, 26.05.14 (*kuupäev*)

(*alkiri*)